

Petition Letter

See also Vladislav Eloyan and Michael McKibben with Joseph Lipsius and George West. "Eloyan Rotefan Marcosovich. A Newly Discovered 69th Inf. Div Legacy of Spirit, Resilience and Valor. 69th Inf Div 271st Inf Reg AT Co". The U.S. Army 69th Infantry Division Association Website. July 4, 2010. <<http://www.69th-infantry-division.com/whowhere/photo03-Eloyan-Rotefan-Marcosovich.html>>. Last updated December 21, 2010.

Original Russian Petition Letter follows.

From: Eloyan Rotefan Markosovich, Prisoner

To: Comrade Malenkov, Chairman of the Council of Ministers of the USSR¹

Date: 22 October 1953

I would like to introduce myself and describe the recent events in Norilsk briefly.

I was born in Erevan in 1925 and moved to Moscow with my brother and father in 1930. In 1941 I finished seven years of education in school No. 279. In July 1941 at only 15 years old I joined the Red Army as a volunteer in an armored cavalry battalion of the 13th Rifle Division. On 22 October I was severely wounded near Vyazma city and picked up by an army ambulance from the village of Proletarskoe. A week later our ambulance detail was captured by Germans. After I had partially recovered, I escaped on crutches and wandered into the Smolensk district. Since I was only 16 years old, the Germans didn't ask me for documents, so I roamed from village to village with some of my friends. My wounds healed slowly, making it difficult to walk for the longest time. I was once sheltered by Ivan Mikheev at his house in the village of Kamentshiki.

In the summer of 1942 the Germans discovered that I was a war prisoner and shipped me to Saalfeld, Germany. In Germany I was put to work as a mechanic in a mechanical repair department of a metallurgic plant named "Maksyuta." My brigade chief was a German by the name Mayar Oska. I worked there with a Russian comrade Tislitskiy and two French war prisoners. Mayar Oska was a good man and he never forced us to work. He, as well as all of us, hated the fascist regime. We worked on a coke conveyor that supplied coke to the blast furnaces. It was not put into operation until near the end of the War. I took every opportunity at work and break times to convince the Germans that Hitler was wrong and that we should all work less in order to hasten the end of the War. The camp commandant and police beat us daily. They fed us only 300 grams of bread with thinned rotten potato soup. Some among us became so frail and pathetic that they worked without protest.

I could not be so docile. In 1943 I decided to escape with my comrade. Since we could not escape carrying heavy bags, we decided to collect food and systematically hide it in the surrounding forest. Once while hiding food a German peasant saw me and told the police from the nearest plant. They caught me and beat me with a stick in front of the whole camp as punishment. I could not move for two weeks. Sometime later the dead body of our comrade was dumped in the camp. He had been beaten to death by the camp master. As we all gathered around his body I said to everyone that if we continued our silence, they would eventually kill us all. Someone reported me and the police beat me with a bull's tail until I had no discernable pulse. Over the next two weeks I was beaten 25 more times until I became sick with a high fever.

---

¹ Family note: Georgy Maximilianovich Malenkov (January 8, 1902 – January 14, 1988) was a Soviet politician, Communist Party leader and close collaborator of Joseph Stalin. After Stalin's death, he became Premier of the Soviet Union (1953-1955) and was in 1953 briefly considered the most powerful Soviet politician before being overshadowed by Nikita Khrushchev. *Wikipedia*.

In 1944 I broke my arm in two places and cut a muscle in my left hand while building an assembly. They put me in the hospital. The doctors were good to me. They put me in a ward with a Russian, Poles and Czechs. I was released from the hospital after three months. However, I was reported by someone again for "undue talk" (as one doctor said) and for placing a pamphlet I had written into a nurse's pocket which argued that the Germans were wrong and that all nations are equal.

When I returned to the camp, the chief of police beat my head with a rubber truncheon. I fell and broke my arm again. After another three months convalescing, I began light work. I delivered steel samples to a laboratory for testing where I became friends with fellow laborer Gustovsky Evgeny, a resident of Rostov. We cooked up as much trouble for fascism as we could. I delivered tainted steel samples to the lab, and Evgeny returned fabricated results. We delivered these bogus test results back to the foundry. I took every opportunity to argue with Germans about the unfairness of the War. I made friends with two Germans; one was a communist. He showed me an old newspaper and where he was listed with other communists. We agreed to do harm to Hitler any way we could. During one repair of a steam engine that moved a crane boom, I put a piece of steel into a barrel that blocked the work of a department several hours. We were once visited by the Labor Minister, Doctor Ley,³ who appealed to the Germans to work harder. In response, one of my German friends asked me to place a banner on the walls of our department to work less.

Once a German communist wrote an anti-fascist banner that I placed on the side of a nearby mountain at night. In the morning German police couldn't get to it for an hour. In the meantime, every worker read it. On another occasion we were served rotten potatoes. I got up and threw it on the floor. Everyone supported me and refused to eat. Then I collected a bowl of these potatoes and showed them to the Germans in the plant. When I took it to the laboratory, the Chief Engineer committed not to serve rotten potatoes to us anymore. The next day we were served fresh potatoes and they threw some 40 tons of rotten ones.

In the camp I despised fellow prisoners who fleeced their comrades by bartering bread and spirits and colluded with the Germans.

At the beginning of 1945 our camp was visited by a Vlasov propagandist. He tried to recruit us into Vlasov's Army.⁴ We were gathered in the canteen. During his speech I stood up and asked him about all the medals rattling on his chest. He blushed and everyone laughed. After he left the camp, only two or three people signed up. I had been successful in discrediting them as betrayers.

In April 1945 our camp was freed by the Americans [U.S Army 87th Infantry Division]. Their soldiers were very friendly to us. My comrade and I decide to join them to help hasten the end of the War. By the third day of our liberation we had hooked up the U.S. Army 69th Infantry Division, Anti-Tank Company to do more for victory.

In 1945 I returned to the USSR. However, Internal Affairs Body treated me no better than a German. I started to regret that I had returned to the Homeland. A month earlier I couldn't even sleep without a cry; remembering my Homeland, my home, my street. When some American friends suggested that I return with them to see America, I couldn't bring myself to lose even a single day getting home. During my nearly four years

---

³ Family note: Dr. Robert Ley, former Head of the German Labor Front.

⁴ Translator's note: Nazi collaborator Russian General Andrey Vlasov.

of imprisonment, I dreamed of the end of war and going home. Even the worst prison conditions didn't trouble me as much as my imprisonment in the Homeland does now.

In 1945 I married and lived in Moscow—Pushkinskiy Studgorodok, 75, Building 21, Flat 19. I worked as a mechanic in the local mechanical factory. In 1947 my first son was born. In 1948 my second son was born. Life became difficult like it was for everyone. I eventually left that job and took a more difficult job as a rigger in Mospogruz № 1, where I worked for 3 years. My name was regularly posted on the honors board.

In 1949 I was sentenced under Article 74 and imprisoned for one year because I testified that a militiaman broke in front of another person standing in a queue. I was sentenced for disorderly conduct two hours after it happened.⁵

I shall say to you that I cannot look blindly at the injustices that I and others suffer all the time. I was released seven months early from [the Article 74] camp for doing a good job. When I returned home I went back to my previous job and worked to recover from the damage done to my family. After a month and a half, in 1950, I was arrested and sentenced again, this time under Article 58-1B (58-1Б). The investigator accused me of espionage in collaboration with the Americans [U.S. Army 69th Infantry Division, Anti-Tank Company], agitation (for telling the truth somewhere) and my work with the Germans as a prisoner. I waited for a trial that never came. I was just sentenced to 10 years in correctional labor camp without a hearing. I was taken to Karaganda by prisoner transport to the First Camp Colony of the 6th Department.

It is not possible to write the horrors I saw in the camp. I can only say that camp administration organized horrible things that led to several slaughters of prisoners. One deputy camp officer gave 15 knives to a group of Russians (ex-policemen of German concentration camps) and told them to knife Ukrainians. These Russians (ex-policemen of German concentration camps) were appointed by the camp authorities as work foremen and beat others daily, took bribes and drank. I was sent to Norilsk for opposing this.

When I arrived in the village of Dudinka, the chief escort who met us said that Soviet central authority was far away and that we'd have to fight to survive. Norilsk welcomed us with screaming, shouting and abuse. Horrible things occurred in this camp. Work foreman, officers and supervisors beat people openly with sticks and knives. This life was so hard that the camp had a "forbidden zone" where prisoners could ask the guards to shoot them; and the guards would execute them on the spot. The general SEMENOV, walked around drunk with a stick and encouraged the guards to do the murdering. Two days after arriving in Norilsk I was imprisoned and blackjacked with iron chains for rudeness to a supervisor. I went to work again after 7 months in prison cell confinement.

In May [1953] a prisoner came to our camp from the first camp village and reported that an officer shot two people when they were getting into a car. Several days later another prisoner reported that another person was shooting people at point-blank range simply because they didn't want to stand in the mud while standing in line. On the 25th of May 1953 one person was killed and seven people were injured in our zone during a work break. On the 26th of May we went on strike to protest this tyranny. After 5 days three hundred armed officers came into the camp and shot two prisoners. On the 6th of June the Moscow Commission headed by Kuznetsov came to the camp. He listened and said

---

⁵ Family Note: Rotefan was standing in a grocery store queue. A militiaman broke into the queue with his friends. Rotefan told him that he was worse than a fascist. Rotefan Markosovich was sentenced two hours later. 15 witnesses were forbidden from testifying on his behalf. The only witness allowed to testify against Rotefan was the store director, who was imprisoned two months later for theft.

that those who had shot the prisoners would be sentenced and punished. He also told us that the numbers we were forced to wear on our clothes would be removed, that we would receive up to 450 rubles in pay per month, and that we would be able to receive 2 letters per month. We had received 200 rubles and could write 2 letters per year before. Work hours were shortened by one hour. They also told us that we would not be punished for a strike because it was the authorities who were guilty. Life became better and we went to work. After two weeks we were blamed for the strike and were moved to a single dwelling. We went on a strike again. In response they killed 25 of us and injured 25 others. 1,500 people were then moved to other parts of the continent. I was moved to Vladimirskaia prison and was sentenced to two more years.

If all this had happened a year ago I would not have written; knowing that Beriia⁶ and his protector⁷ were in power. However, everything is changing for the better now—for liberty and a good life on earth—which can be seen by actions: amnesty, reducing high taxes from peasants, etc. I write to kindly ask you to consider my case. I have a wife at home with two sons and an old father. They live in difficult circumstances. I want to go back home and raise my children. You are the first person I have told about myself. Everything I have written is true. I swear upon my children.

Eloyan Rotefan Markosovich, Prisoner
22 October 1953

Prepared by Michael T. McKibben, website engineer for the 69th Infantry Division Association, and son-in-law of Jerry Hoovler, 69th Inf Div 272nd Inf Reg K Co, and Vladislav Eloyan, grandson of Rotefan Eloyan.

---

⁶ Family note: Lavrentiy Beria, Georgian Soviet politician, and chief of the Soviet security and secret police apparatus under Stalin. *Wikipedia*.

⁷ Family note: “[H]is protector” was Joseph Stalin—Soviet politician and head of state who served as the first General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union’s Central Committee from 1922 until his death in 1953. After the death of Vladimir Lenin in 1924, Stalin rose to become the leader of the Soviet Union, which he ruled as a dictator. *Id.*

199

К Вх 00245

Копия

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

товарищу МАЛЕНКОВУот заключенного ЕЛЮНА
Ротефана Маркосовича

ЖАЛОБА-ПИСЬМО

Постараюсь коротко рассказать Вам о себе и о том происходило в Норильске.

Я родился в 1925 году в г. Ереване. С 1930г. вместе с братом и отцом проживал в Москве, в 1941 году окончил 7 кл. в 279 школе, в июле 1941г. подал заявление и был зачислен в ряды Красной Армии добровольцем, так как мне было 15 лет - в отдельный бронетанковый батальон 13-й стрелковой дивизии. 22 октября в районе Вязьмы был тяжело ранен и доставлен в полевой госпиталь село Пролетарское. Через неделю немцы пленят наш госпиталь. Немного выздоровев, с костылем в руках я убегаю и так брожу по Смоленской области, так как мне было всего 16 лет, то немцы документов не спрашивали и я с каким нибудь товарищем бродил по селам. Рано не заживала, ходить было очень тяжело и в одной деревне Каменьщина, МИХЕЕВ Иван оставил у себя жить.

Летом 1942 года немцы узнав, что я военнопленный забрали и увезли в Германию в г. Зальцфельд. В Германии я работал на металлургическом заводе "Максште" в ремонтно-механическом цехе слесарем, в бригаде немца Майр Оска, вместе с русским товарищем ТИСЛИНИКИМ и двумя военнопленными французами. МАЙР Оска был хорошим человеком и никогда нас не заставлял работать и также как и мы ненавидел фашистский режим, автоматический конвейер для подачи кокса в доменные печи, так и не был закончен до конца войны. Я ежедневно во время работы и в обеденный перерыв беседовал с немцами, обясняя, что Гитлер не прав, и что нужно меньше работать, чтобы скорей кончилась война. Комендант лагеря и полиция ежедневно избивали нас, кормили, давая 300 гр. хлеба и жидкий суп из кулерабы и гнилой картошки. От истощения, болезней и палок многие превратились в рабов, работали и совсем не протестовали.

Я же не мог на это спокойно смотреть в 1943 году я с товарищами решил бежать, но из лагеря с мешком выйти было нельзя, поэтому мы решили собирать продукты и понемногу выносить в лес прятать и когда я прятал немец крестьянин сообщил в полицию соседнего завода и они меня поймали и за побег перед всем лагерем полками избивали меня, после чего я две недели не мог двигаться. Через некоторое время принесли в лагерь труп нашего товарища, которого до смерти избил мастер все собрались смотреть и я сказал, что если мы будем молчать, то нас всех перебьют: кто-то донес и меня били в полицию бичом хвостом до бессознания, а через две недели получил за это еще 25 палок и два дня пролежал с большой температурой. В 1944 году, во

2.

время монтажа мне сломало руку в двух местах и перерезало мизинец левой руки. Я попал в больницу. Врачи относились не плохо, но все таки мы-русские, поэтому я лежал в палате вместе с одним русским, чехом и поляком, через три месяца за лишние разговоры, в которой объяснял, что нации все одинаковы и что немцы не правы за войну. Меня еще больного с гипсом выписали при приезде в лагерь, не обращая внимания на гипс зам. шефа полиции ударил меня резиновой палкой по голове и я упал снова сломав руку, пролежав еще три месяца в лагере я вышел на легкую работу носить пробы стали в физическую лабораторию.

Подружив с работающим там в качестве лаборанта Гутовским Евгением - жителем г. Ростова, мы как могли вредили фашизму, я приносил на пробу куски негодной стали, а он давал неверный анализ, после чего сталь направлялась обратно в печь. Я не на одну минуту не прекращал раз'яснять немцам несправедливость войны. Подружив с двумя немцами одним коммунистом, который принес мне старую газету и показал свою фамилию в списке коммунистов, мы ставили целью вредить Гитлеру. Во время ремонта паровой машины,двигающий главный блюминг, я вложил кусок стали в цилиндр. Задержав этим на несколько часов работу цеха. Один раз к нам приезжал министр труда доктор Лей и призывал немцев больше работать, я по заданию немцев моих товарищей написал на воротах цеха плакат, призывающий меньше работать. Один раз немец-коммунист написал плакат антифашистский, а я укрепил его ночью на горе с брикетом, утром немецкая полиция целый час не могла его сорвать и все рабочие завода его прочитали. Когда нам давали гнилую картошку я поднялся и бросил миску на пол, вся столовая поддержала меня и не стала ее кушать, а я набрал миску и на заводе показывал немцам, а когда принес в лабораторию, то там был главный инженер и он увидав ее сказал, что больше ее варить не будут, на завтра привезли другую и тонн 40 гнилой выбросили на свалку. Находясь в лагере я ненавидел некоторых, которые занимались спекуляцией, обдирая своего товарища, продавая хлеб или спирт ненавидел всех, кто молча, но хорошо работал на немцев.

В начале 1945 года к нам в лагерь приехал Власовский агитатор, призывая идти во власовскую армию, нас собрали в столовой, во время речи я поднялся и спросил его за что ему повесили эти побрякушки на грудь, он покраснел, все засмеялись, после этого он собрался и ушел. Из тысячи человек написали заявление два или три и тем я раз'яснил и опозорил на весь лагерь как изменников. В апреле 1945г. наш лагерь освободили американцы, солдаты заходили к нам и ихнее дружеское отношение мне понравилось и я со своим товарищем, познакомившись с солдатами решил пойти в армию и служить до конца войны и на третий день мы ушли в 69 дивизию в противотанковую дивизию. И я имел возможность еще немного вложить в общее дело победы.

В 1945 году я возвратился в Советский Союз, органы МВД на фильтровочных пунктах к нам обращались не лучше немцев, я даже стал жалеть, что возвращался на Родину, месяц до этого я не мог заснуть, не заплакав, вспоминая Родину, дом, улицу. Когда некоторые американцы предлагали поехать в Америку посмотреть, я не допускал мысли потерять еще один день, все время немецкого пленения я ждал конца войны и мне в это раз худшие условия плена не мучили, как сейчас на Родине в тюрьме.

201

В 1946 году я женился, жил в Москве, 75, Пушкинский студгородок, кор. 21 кв. 19, работал на механическом заводе местной промышленности, слесарем, в 1947 году у меня родился сын, в 1948 году родился второй, жизнь для меня стала тяжелой как и у всех я бросил работу слесарем и пошел работать на самую тяжелую работу такелажником в Моспогруз № 1, где три года работа и имя мое всегда висело на доске почета.

В 1949 году меня судили по 74 ст. дали 1 год за то, что я знал, что этот человек стоял в очереди, а его милиционер выгнал, мне пришили хулиганство и через два часа после случая осудили.

Скажу Вам, я не могу спокойно смотреть на несправедливость, которая встречается на каждом шагу и мне за это много раз попадало, в лагере получив зачеты за хорошую работу, я освободился за 7 месяцев. Вернувшись домой я устроился на старое место и стал поправлять раны, нанесенные семье. Через полтора месяца, в 1950 году меня арестовывают и дают мне 58 - 16 ст. Следователь обвиняет меня в шпионаже для американцев, агитации /за то, что кое где правду сказал/ и работу в пользу немцев. Я ждал суда, но суда не было, а мне зачитали приговор особого совещания 10 лет испр.тр.лаг.

Этапом я приехал в Караганду в И.п. 6-го отд. Ужасы, которые я видел в лагерях, на этой бумаге не описать, скажу только лаг. администрация творила безобразия, травил нацию на нацию из-за чего много раз была резня оперупол. сам дал 15 ноже группе русских /бывших полицейских немец. контлаг/ и сказал идите режьте украинцев назначили их бригадирами, а они избивали каждый день, брали валюту и пропивали и это все нач. поддерживало. За выступления против этого меня отправили в г. Норильск.

По прибытию в Дудинку начальник конвоя, который нас принимал сказал нам. Отсюда Советская Власть далеко и вы должны только упираться рогами, это значит работать и с криком стрельбой и матом привезли в Норильск. Там, в лагере творились чудеса, бригадиры с палками и ножами открыто ходят и бьют вместе с опером и надзирателями, от такой жизни люди идут на запрет. зону и просят часового застрелить, что он не медля исполняет. Сам генерал СЕМЕНОВ пьяный ходит с палкой и поощряет это. За грубость надзирателя меня на второй день посадили, как следует избив железными гириями. Просидев 7 месяцев я вышел на работу. В мае к нам пришел этап с 1 л.п. и рассказал, как во время посадки на машину сам опер расстрелял двух человек, через пару дней с 4 л.п. пришел этап и рассказал, что за то, что они не хотели идти в болото в строй в упор застрелили одного и оставили в тундре. 25 мая очередью с вышки днем во время отдыха в нашей зоне убили одного и ранили 7 человек. За производ и расстрелы 26 мая мы объявили забастовку, не вышли на работу. Через 5 дней в зону вошли 300 офицеров с личным оружием и убежав застрелили еще двух. 6 июня приехала Московская комиссия в главе с КУЗНЕЦОВЫМ и выслушав нас сказала, что те кто стрелял в вас будут осуждены и наказаны, что номера, которые мы носили на одежде снимите, денег будете получать до 450 руб., письма нам разрешили писать два в месяц, а до этого мы получали до 200 рублей и 2 письма в год. Укоротили время работы на 1 час и что за забастовку никто наказан не будет, так как виновно начальство стало лучше и мы вышли на работу. Через две недели, обманув,

202

4.

что идем на это, они вывели в тундру, отобрали нас и привезли в отдельный дом. После этого забастовка повторилась и они напали на безоруженных людей и убили еще 25 человек и 25 ранили нас в колич. 1500 чел. привезли на материк, меня привезли во Владимирскую тюрьму, дав срок 2 года. Если бы это случилось год назад когда все было в руках Берия и его покровителя, я бы не стал Вам писать. А теперь когда дело идет к свободе и хорошей жизни на земле и это видно делами - амнистия, снятие больших налогов с крестьян и т.д. Пишу и прошу Вас разобрать мое дело. У меня дома жена, двое сыновей, старший отец, они находятся в тяжелых материальных условиях, я хочу вернуться домой и воспитывать своих детей.

Я Вам первому рассказал о себе и то, что рассказал, я клянусь своими детьми, что это правда.

"22" октября 1958 года

ЕЛОЯН

н/н

В-Вален

15.11
сс